

A man in a dark suit and a woman in a dark dress standing in a room with a large window and red curtains. The man is on the left, looking towards the woman on the right. The room has a large window with red curtains and a patterned sofa in the background.

Евгений Коломеец

Измена

18+

ЕВГЕНИЙ КОЛОМЕЕЦ

ИЗМЕНА

«АВТОР»

2026

Коломеец Е.

Измена / Е. Коломеец — «Автор», 2026

Следователь Чернов. проводит обыск и обнаруживает под диваном одну золотую серёжку. Как она могла там появиться? Супруга Альбина уверена, что муж изменял ей в квартире, когда она отдыхала на курорте. Как же ему отомстить за измену? Она считает, что самое справедливое наказание - это смерть. Но как это сделать так, чтобы самой не попасть под подозрение? В книге имеются сцены кровавого "трэша". Особенно впечатлительным натурам читать не рекомендуется.

Евгений Коломеец

Измена

Глава 1

Сергей Петрович Матросов проснулся от того, что телефон на тумбочке завибрировал, закрипел по дереву и чуть не упал. Он поймал его на лету, одним движением, не открывая глаз. Пальцы нашли кнопку сбоку, заглушили назойливый звук.

Он лежал, не двигаясь, прислушиваясь к собственному телу. Голова была тяжёлой, будто налитой свинцом, но боли не было. Просто тяжесть, знакомая тяжесть прожитых лет и вчерашнего коньяка. Хорошего коньяка. «Арманьяк», подарок от подрядчика по благоустройству сквера. Он приоткрыл один глаз, взглянул на световые полосы под шторами. Серебристо-серый, предрассветный свет. Четверг. И день рождения.

Пятьдесят три. Цифра отозвалась внутри глухим, невыразительным звуком, как камень, упавший в глубокий колодец. Ни радости, ни сожаления. Констатация. Он был Сергеем Петровичем Матросовым, заместителем главы администрации города Барнаула. Человек с положением, связями, весом. И ему сегодня исполнялось пятьдесят три года.

Сегодня утром приедет домой супруга из аэропорта, заранее её предупредил, что сам встречать не будет, пусть едет на такси,

Работа ждала. Приём в девять, отчет по ЖКХ к одиннадцати, совещание с архитекторами в полдень. И так далее, по расписанию, отлаженному, как швейцарский механизм. День рождения? Придется начать отмечать его на работе. Так всегда. Коллеги принесут торт, в кабинете соберутся начальники отделов, будет шампанское, короткие, правильные тосты. «Здоровья, успехов, благополучия семье».

Он поднялся, пошёл в душ. Струи горячей воды разогнали остатки сна, но не смыли привычный осадок. Оделся тщательно: свежая рубашка, тёмно-синий костюм, галстук с едва заметным узором. В зеркале смотрел на него уставший, но ещё крепкий мужчина с жёсткой сединой у висков и внимательными, холодноватыми глазами. Глазами начальника.

Дорога до администрации заняла двадцать минут. Его «Мерседес», тёмно-серый, почти чёрный, мягко плыл по утренним улицам, обгоняя потрепанные иномарки и маршрутки. Он любил эту машину. Её тишину, запах кожи, бесшумную мощь двигателя. Она была продолжением его статуса, бронёй, отделявшей его от всего остального города.

Рабочий день начался, как и предсказывалось. Бумаги, звонки, посетители с озабоченными лицами. В десять тридцать секретарша Валечка, молодая и симпатичная, заглянула с тайным видом: «Сергей Петрович, вас в одиннадцать в конференц-зал, не забудьте». Он кивнул. Ритуал.

В конференц-зале действительно был торт, шампанское и человек двадцать сотрудников. Поздравил сам глава администрации, похлопал по плечу. Произнесли тосты. Сергей Петрович улыбался, благодарил, говорил что-то про общую команду и новые задачи. Выпил два бокала. Искристые пузырьки щекотали горло, но веселья не приносили. Только лёгкую, искусственную теплоту.

Обедал он один, в кабинете, разбирая сэндвич и просматривая документы по тендеру на асфальтирование. Цифры плыли перед глазами. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Одиночество, обычно тихое и фоновое, сегодня накатило внезапно и тяжело. Пятьдесят три. Полжизни прошло. А что осталось? Этот кабинет. Эти отчеты.

Он резко потянул ящик стола, достал оттуда плоскую серебряную фляжку. Подарок от бывших сослуживцев по армии, давным-давно. В ней был хороший, выдержанный виски. Он отпил несколько больших глотков. Жидкость обожгла пищевод, разлилась по телу густым, обманчивым теплом. Стало легче. Мир снова обрел чёткие, управляемые контуры.

Послеполуденные встречи прошли в тумане. Виски смешался с шампанским, создав устойчивую, мутноватую ауру. Он говорил немного медленнее обычного, но все так же веско и уверенно. Никто не смел усомниться. Никто не смел заметить.

Вечером в ресторане «Барнаул» банкет, придут всё важные персоны и ближайшие родственники.

В шестнадцать часов он отменил последнюю встречу. «Перенесём на понедельник», – бросил секретарше и стал собираться домой.

Вдруг ему сообщили об аварии – порыв трубы высокого давления, кипяток заливает улицу. Он снова приложился к фляжке. Теперь пил уже не для тепла, а для забвения. Чтобы заглушить этот навязчивый внутренний голос, твердящий о пустоте, о пятидесяти трех, о том, как нелепо отмечать день рождения среди чужих людей, среди бумаг и фальшивых улыбок.

Решил по дороге заехать ещё на устранение этой аварии, дать ценные указания и затем домой, принять душ, переодеться и ехать в ресторан вместе с женой.

Он встал из-за стола, немного качнувшись. Он надел пиджак, взял ключи. Выходя из кабинета, наткнулся плечом на косяк. «Чёрт», – пробормотал он, но уже на лестнице чувствовал странное, почти мальчишеское оживление.

«Мерседес» ждал его на парковке возле здания. Он сел за руль, глубоко вздохнул. Запах кожи успокаивал. Завёл двигатель. Рёв мотора был мощным, обволакивающим. Он выехал на улицу и поехал на проспект Комсомольский, где был порыв труб.

Город проносился за окном мельканием огней и теней. Его сознание плавало. Мысли были обрывистыми, картинками: армейская молодость, первый день на этой работе, лицо дочери в день выпускного... Боль от воспоминаний притупилась, осталась лишь ноющая тяжесть. Он прибавил скорость. Машина послушно рванула вперед, обгоняя, лавируя. Он чувствовал себя хозяином. Хозяином машины, этой дороги, своей судьбы.

Дорога сузилась, превратившись в тихую двухполосную улицу в спальном районе. Он ехал почти на автомате. Вот только этот долгий, нерегулируемый пешеходный переход... Он мельком заметил знак, сбросил газ, но не сильно.

В это время звонок на телефон, он посмотрел на экран – «Альбина». Он нажал кнопку вызова и снова бросил взгляд вперед.

И вдруг – перед капотом женская фигура на пешеходной зебре. Он ударил по тормозам инстинктивно, отчаянно. Шины взвыли. Но было поздно. Раздался глухой, мягкий, ужасающе живой звук.

Мир остановился. Звуки исчезли. Он сидел, вцепившись в руль, не дыша: на асфальте, метрах в пяти от машины, лежало тело женщины с раскинутыми по дороге волосами. Не двигалась.

В голове пронеслась мысль, кристально чёткая, ледяная: «нет. Этого не может быть».

Потом сработал инстинкт. Надо выйти. Надо помочь. Он открыл дверь, почти выпал на улицу. Ноги не слушались, подкашивались. Воздух был горячим и резким. Он подошел, шатаясь.

На асфальте лежала девушка лет двадцати в белой блузке, на которой уже были красные пятна. Лицо бледное, искаженное гримасой боли и шока. Она не кричала. Смотрела в небо широко открытыми, невидящими глазами. Из-под головы растекалось тёмное, красное пятно.
– Ты... - начал он, и голос сорвался в хрип. – Ты... как?

Она медленно перевела на него взгляд. В её глазах не было страха. Было недоумение. Чистое, детское недоумение. «Почему я лежу здесь? Почему мне так больно?»

И это недоумение, эта беспомощность, этот немой укор вдруг вызвали в нем не жалость, а взрыв ярости. Дикой, иррациональной, пьяной ярости. Это она! Она выскочила! Испортила всё! Его день, его вечер, его жизнь! Из-за неё теперь будут проблемы, скандал, бумаги, лишение прав... Его статус, его репутация!

– Ты что, дура?! – закричал он, и собственный голос прозвучал для него чужим, сильным, звериным. – На переходе смотреть надо! Ослепла?!

Она попыталась приподняться на локте, ее губы шевельнулись, но звука не было.

К ним подошли какие-то люди, Матросов вернулся к автомобилю и стал рассматривать имеющиеся повреждения: решетка радиатора, капот, фара, трещина в лобовом стекле. И он потерял остатки контроля над собой. «Тварь!» – закричал он. – На такие бабки попал. Она мне заплатит». Он обернулся и с ненавистью посмотрел на неё.

Резкий, пронзительный звук сирены разрезал воздух. Он замер, застыв в нелепой, агрессивной позе. Медленно выпрямился, обернулся.

Патрульная машина ГАИ стояла в пяти метрах. Двери были уже открыты. Из них выходили двое сотрудников. Молодые, серьёзные лица под форменными фуражками. Они шли к нему неторопливо, но твердо. В их движениях не было суеты, только холодная, профессиональная решимость.

Всё произошло очень быстро. Один из инспекторов приблизился к женщине, на ходу доставая рацию. Вторым, старшим по виду, преградил путь Матросову.

– Гражданин, что происходит? Вы участник ДТП?

– Она... она сама... – начал было Матросов, но слова запутались, слиплись. Он почувствовал, как от него разит перегаром. Он увидел себя со стороны: растрёпанный, с безумными глазами, в дорогом мятом костюме, стоящий над сбитой женщиной. Картина была настолько чудовищной, что разум на миг протрезвел, и его окатило ледяным ужасом.

– Отойдите, пожалуйста, – голос инспектора был ровным, но в нем звучала сталь. – Предъявите документы.

Матросов автоматически полез во внутренний карман пиджака, достал кожаный портмоне с удостоверением и правами. Рука дрожала. Инспектор взял документы, бегло взглянул, потом пристальнее посмотрел на фото, на него. Что-то промелькнуло в его глазах. Узнавание? Неодобрение? Профессиональное безразличие?

– Сергей Петрович Матросов? – переспросил он.

– Да, я... я заместитель... – он хотел добавить «главы администрации», но вовремя остановился. Это могло звучать как угроза или попытка давления. Сейчас это было ни к чему. Всё и так было очевидно.

– С вами всё в порядке? Вы находитесь в состоянии опьянения?

– Нет, я... просто устал. Очень устал.

Инспектор не стал спорить. Он кивнул напарнику, который уже вызывал «скорую». Потом достал алкотестер.

– Пожалуйста, дышите.

Процедура была унижительной. Унижительной была его попытка дуть «по-честному», унижительны были цифры на экране прибора, которые инспектор показал ему молча. Унижительно было стоять под синим мигающим светом, пока вторая машина ГИБДД перекрывала улицу, а из окон близлежащих домов начали появляться любопытные лица.

«Скорая» приехала быстро. Санитары ловко, бережно уложили женщину на носилки. Она стонала, прижав руку к груди. Её лицо было бледным, как бумага. Матросов увидел, как один из санитаров покачал головой, что-то сказав коллеге. Ему стало физически плохо. Он отвернулся.

– Гражданин Матросов, вы будете задержаны, – сказал старший инспектор тем же ровным тоном. — По подозрению в совершении ДТП с пострадавшими. Прошу вас проследовать с нами в отдел для дачи объяснений.

Ему не стали надевать наручники. Просто проводили к патрульной машине, предложили сесть на заднее сиденье. Это было даже хуже. Это была вежливость, подчеркивающая всю глу-

бину его падения. Он не преступник, с которым церемонятся. Он – чиновник, который в одно мгновение перестал быть чиновником и стал просто пьяным мужиком, сбившим женщину.

В отделе всё было как в плохом сне. Яркий свет, запах дезинфекции и табака, строгие лица. Его фотографировали, снимали отпечатки пальцев – формальность, но каждая процедура отбивала ещё один кусок от его привычного «я». Он давал показания, путаясь, сбиваясь. Говорил о усталости, о том, что она выскочила, что он не справился с управлением. Подписал всё, что ему подсовывали. Затем его отвезли на медицинское освидетельствование, где было зафиксировано состояние алкогольного опьянения. но это уже было просто ещё одним унижением в длинной череде. Только сейчас разум, наконец, начал просыпаться. И с ним пришло осознание. Полное, безжалостное.

Он сбил человека. Об этом узнают все. Коллеги. Начальство. Его карьере конец. Это было ясно, как день. Даже если женщина выживет, даже если её родные согласятся на деньги (а у него были деньги), даже если удастся как-то договориться с судом – слух, позор, пятно. В администрации таких пятен не прощают. Его вежливо попросят «по собственному». Он станет изгоем.

Он пересёк предел. Предел человечности. И обратной дороги оттуда не было.

.....

Кабинет следователя Чернова, как обычно, производил видимость бурной деятельности его хозяина. Везде в беспорядке лежали папки, многочисленные пакеты вещественных доказательств, заключения экспертиз. На столе стояла чашка с остывшим чаем и потертый ежедневник, в котором Чернов уже минут десять старательно вычеркивал выполненные пункты и вписывал новые на понедельник.

Ему хотелось домой. Усталость навалилась тяжёлым, давящим одеялом. День был длинным: допрос свидетеля по делу об убийстве, беготня по инстанциям, бесконечные звонки. Тело ныло, глаза слипались.

Он уже почти собрался, кинул в дипломат папку с документами на завтра, накинул пиджак на спинку стула, как вдруг телефон на столе завибрировал и заиграл противную, режущую слух мелодию. Чернов глянул на экран. «Трашков В.Д.» – высветилось на дисплее. Настроение упало мгновенно, словно кто-то выдернул пробку из надувного круга.

Владимир Дмитриевич Трашков был его начальником, руководителем следственного отдела. Человеком, который, как говаривали в коридорах, умел говорить с начальством на одном языке; а если начальство говорило на языке отчетов и показателей, то Трашков отвечал ему безупречной статистикой. Звонки от него никогда не предвещали ничего хорошего. Всегда – или срочное поручение, или выговор, или очередное дело, которое надо принять к производству и раскрыть ещё до того, как пробил первый час.

Чернов на мгновение замер, глядя на экран. В голове пронеслась шальная мысль: не брать. Просто нажать на кнопку сбоку, сделать вид, что сел аккумулятор, подхватить дипломат и быстро, пока никто не видит, выскользнуть в коридор. Проскочить мимо кабинета Трашкова, выскочить на улицу и уже через двадцать минут быть дома, в тишине, подальше от этих стен, пахнувших пылью, кофе и тревогой.

Но Чернов был человеком опытным. Он знал: если Трашков звонит, значит, он уже видел, что Чернов на месте. Коридоры отдела – это система зеркал и ушей. Можно «спалиться». Кто-то может доложить. И тогда завтрашнее утро начнется с разноса. Лучше не рисковать и ответить.

– Алло, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

– Алексей Владимирович, зайдите ко мне.

Коротко и сухо. Трашков не любил разговоров по телефону. Все личное только при личной встрече, глядя в глаза. Чернов вздохнул, поправил ворот рубашки, галстук давно был снят и болтался в кармане пиджака. Он быстро завязал его, криво, наспех, и вышел в коридор.

Коридор следственного отдела освещался дежурными лампами дневного света, дававшими мертвенно-бледный, выцветающий свет. Пол был выложен кафелем, который жалобно поскрипывал под ногами. Чернов прошел мимо кабинета Карнауховой, откуда доносился приглушённый говор. И вот – дверь с табличкой «Трашков В.Д. – начальник отдела». Он постучался, не дожидаясь ответа, и вошёл.

Кабинет начальника был иным миром. Здесь полы паркетные, мебель из тёмного дуба, на стенах – портреты ветеранов следствия и несколько грамот в рамках. На подоконнике – фикус, ухоженный и важный. Во главе длинного стола, покрытого зелёным сукном, сидел сам Владимир Дмитриевич Трашков — седой мужчина лет пятидесяти восьми с умным, но уставшим интеллигентным лицом. Очки в тонкой оправе сидели на его носу как-то по-особенному естественно, словно были частью лица. Он листал какие-то бумаги, и при входе Чернова поднял глаза, кивнул на стул.

– Присаживайтесь.

Чернов уныло присел на один из свободных стульев, стоявших вдоль стены. Руки он положил на колени, выжидая. Трашков не торопился. Он аккуратно закрыл папку, снял очки, протёр их мягкой тряпицей и снова надел. В этом неспешном движении было что-то ритуальное, почти гипнотическое. Но Чернов знал: за этой внешней дотошностью скрывается острый, цепкий ум, привыкший считать каждую мелочь.

– Нам из полиции передали дело со спецсубъектом, – наконец произнёс Трашков, и голос его был ровным, как гладь замёрзшего озера. – Заместитель главы администрации города совершил ДТП в состоянии алкогольного опьянения.

Чернов внутренне похолодел. Спецсубъект – это всегда головная боль. Не просто гражданин, у которого надо взять показания, а человек с весом, связями, возможностями. Чиновник. Начальник. Тот, кому позволено больше, чем другим, и чьи провинности становятся не просто уголовными делами, а политическими проблемами.

– Что с потерпевшим? – спросил он, хотя уже догадывался, что ответ будет нерадостным.

– Потерпевшая, – поправил Трашков, подчеркивая дроблением слога. – Одна девушка. Находится в больнице, состояние тяжёлое. В сознание пока не приходила, лежит в реанимации. Удар был сильный – черепно-мозговая травма, переломы. Врачи осторожны в прогнозах.

Чернов почувствовал, как внутри заворчалось нечто неприятное, тяжелое. Девушка в реанимации. И пьяный чиновник на «мерседесе». Классика для новостных лент. Классика, после которой следователей разрывают на части между законом и «телефонным правом».

– Принимайте дело к своему производству, – продолжал Трашков, не глядя на Чернова, а уставившись куда-то в окно, в черноту за стеклом. – Подозреваемый Матросов Сергей Петрович. Сбил её на пешеходном переходе. Нарушение налицо – видеозаписи с камер наблюдения есть, свидетели имеются. С доказательствами проблем быть не должно.

– Хорошо, – уныло кивнул Чернов. Он уже мысленно прикидывал объем работы. Обыск, допросы, запросы в больницу, экспертизы. И все это в сжатые сроки, потому что...

– Он задержан в порядке статьи девяносто первой УПК, – добавил Трашков, подтверждая худшие опасения. – Срок истекает завтра.

Настроение Чернова упало ниже плинтуса. Завтра – суббота. Выходной. А ему придется тащиться в суд, ходатайствовать об избрании меры пресечения. Если, конечно, начальник даст добро. Он с надеждой посмотрел на Трашкова.

– Будем его арестовывать? – спросил он, хотя в голосе не было уверенности.

Трашков помолчал, снял очки, снова протер их. Потом ответил не сразу:

– Я думаю, что готовьте документы для домашнего ареста. Формально он вину признал, но от дачи показаний отказался – пользуется статьей пятьдесят первой, адвокат советует молчать. Всё-таки этот Матросов большая шишка. Мне тут звонят все кому не лень. Просят за него.

Чернов скривился про себя. Звонят. Знакомая песня. Всегда, когда в деле появляется человек с положением, начинается концерт по заявкам. Какой-нибудь замминистра звонит прокурору, прокурор – начальнику управления, начальник управления – Трашкову. И понеслось. И в итоге следователь сиди и гадай: то ли арестовывать, то ли отпустить под подписку. А если потерпевшая умрёт? Если завтра в реанимации остановится сердце?

– А если потерпевшая умрёт? – задал он вопрос вслух.

Трашков не изменился в лице. Он многое повидал на своем веку.

– Там видно будет, – сказал он спокойно. – Сейчас предъявляйте обвинение по части второй статьи двести шестьдесят четвертой. Нарушение ПДД в состоянии опьянения, повлекшее тяжкий вред здоровью. Если потерпевшая скончается – переквалифицируем на часть четвертую, там до двенадцати лет. Но дай бог, чтобы выжила.

Чернов кивнул. Он знал эту статью наизусть: лишение свободы до двенадцати лет, если человек в состоянии опьянения сбил кого-то насмерть. А если выживет – до семи. Трашков, видимо, рассчитывал на второй вариант. И звонки «сверху», наверное, тоже на это намекали. Домашний арест это не тюрьма. Это своя квартира, браслет на ноге, возможность пользоваться телефоном, встречаться с адвокатами. Условно комфортные условия для чиновника, который всего лишь «ошибся».

– Сделаю, – согласился Чернов. Перечить начальнику не хотелось. Тем более что Трашков был прав в одном: процессуальные сроки горят, и надо действовать быстро.

Он взял папку с делом, уже поднялся, собираясь уходить, когда Трашков его остановил:

– Алексей Владимирович, обязательно назначьте у его дома обыск.

Чернов удивленно обернулся. Обыск? Зачем? Дело и так раскладывается как карточный домик: есть ДТП, есть опьянение, есть показания свидетелей. Что искать у Матросова дома? Документы? Оружие? Наркотики? Вряд ли. Чиновник всего лишь сбил человека, он не контрабандист и не убийца.

– А обыск зачем проводить? – спросил он искренне. – Чего у него искать? Наворованное?

Трашков усмехнулся – коротко, без веселья, скорее с оттенком усталой иронии.

– Понятно, что формально, – пояснил он. – У нас сейчас новая форма отчетности, сами знаете. Количество проведенных обысков и изъятого имущества. Показатели. Если по делу будет заявлен гражданский иск, а он будет, сами понимаете, лечение, моральный вред – в целях обеспечения иска надо арестовать какое-нибудь имущество. Машина, квартира, что там у него есть. Нам надо повысить показатели, Алексей Владимирович. Квартальный отчет на носу.

Чернов внутренне выругался. Отчетность. Показатели. Бумажки ради бумажек. Раньше следователь искал улики, потому что они нужны были для раскрытия преступления. А теперь начальству нужно отчитаться о количестве проведенных обысков. Абсурд, если подумать. Но деваться некуда.

– Хорошо, сделаю, – кивнул он, не показывая раздражения. – Повысим.

Он вышел из кабинета, притворив за собой дверь. В коридоре, уже один, в полумраке, он тихо, но с чувством выругался:

– Дурдом.

Слово повисло в воздухе и растворилось в тишине. Чернов вернулся к себе, уселся в свое кресло, которое памятно поскрипывало. Он открыл папку с делом и пролистал страницы: протокол задержания, рапорт инспекторов ДПС, справка из больницы, осмотр места происшествия с фототаблицей. Фотография Матросова, сделанная в отделе полиции: растрёпанный, с покрасневшими глазами, но еще сохраняющий надменное выражение лица. Фотогра-

фия потерпевшей – та, что вклеена в документы: симпатичная молодая женщина, с улыбкой, видимо, из паспорта. Чернов вдруг подумал: она ведь вышла вечером, может быть, с работы, может, домой спешила. К мужу, к детям, к родителям. А теперь лежит в реанимации, трубки в горле, аппараты пищат. И неизвестно, выживет ли.

И этот Матросов, который решил, что ему всё можно. Потому что он работник администрации. Потому что у него «Мерседес». Потому что ему сегодня звонили «все кому не лень» и просили за него.

Чернова передёрнуло.

В этот момент зазвонил его личный телефон. Он взглянул на экран: «Оксана». Жена. Он ответил, стараясь, чтобы голос звучал мягче.

– Привет, любимая.

– Ты когда вернёшься? – раздался бодрый, энергичный голос супруги, в котором, однако, уже слышались нотки нетерпения. – Я уже рассаду подготовила. Перец, помидоры, баклажаны – все распикировала, надо везти на дачу, пока не переросло.

Чернов на секунду завис. Рассада. Дача. Мирный, бытовой, до боли нормальный мир, где нет пьяных чиновников, сбивающих людей, и следователей, которые должны обыскивать квартиры ради квартального отчета. Он с тоской подумал о том, как сейчас приехал бы домой, сел в кресло, включил телевизор, выпил бы пива. Но нет.

– Дорогая моя, – начал он, подбирая слова. – Сегодня точно не получится. Всучили новое дело. Надо готовить документы для суда. Завтра санкция будет.

– Какая санкция? – голос Оксаны стал холоднее. – Ты же говорил, что сегодня половина шестого заканчиваешь.

– Ну обстоятельства изменились, – устало ответил Чернов. – Понимаешь, начальник пришёл. Дело срочное, подозреваемый задержан, срок истекает. Надо ходатайство в суд писать, документы собирать.

– А когда тогда поедим? – спросила она с явным раздражением.

– Завтра вечером и съездим, – пообещал он, хотя сам не был уверен, что завтра что-то успеет. Суд, ходатайство, потом, возможно, обыск.

– Ладно, – сухо сказала Оксана и отключилась. Даже «пока» не сказала.

Чернов постоял с телефоном в руке, потом положил его на стол. Жена была недовольна, и он её понимал. Сколько раз уже так: обещал быть дома рано, а приходил за полночь. Семья привыкла, но не перестала обижаться. Он вздохнул, взял пульт и включил музыкальный центр – «Панасоник» – старенький, но с хорошими колонками.

Кабинет наполнился звуками группы «Kreator». Тяжелый, агрессивный трэш-металл, гитарные рифы, барабанная дробь, хриплый вокал. Для непосвященного это был просто шум, хаос. Для Чернова – лекарство. Он слушал такую музыку с юности, еще со времен института. Она помогала ему отключаться от реальности, от всего этого дурдома, в котором он работал. Под этот ритм, эту мощь он чувствовал себя защищённым.

Он поставил чайник, насыпал в кружку две ложки растворимого кофе – без сахара, горького, чёрного и залил кипятком. Потом сел, перелистывая материалы дела. Протокол допроса подозреваемого – точнее, отказ от допроса. Матросов воспользовался правом не свидетельствовать против себя.

Чернов нашёл в деле адрес проживания подозреваемого: улица А. Петрова, дом такой-то, квартира такая-то. Он поднял глаза к потолку, прикидывая. Это же соседний дом от его собственного! Они живут в одном районе, в соседних многоэтажках. Чернов даже знал этот подъезд, проходил мимо. Мысль пришла сама собой: а что, если заехать сегодня вечером к Матросову и провести обыск самому? Своими силами.

Много времени это не займет – дом рядом. Оттуда сразу домой. Если попросить оперативников, они возмущаться будут. Скажут, опять их отвлекают по всякой ерунде, у них свои дела, свои раскрытия. Сам же следователь может провести обыск – закон позволяет.

Он принял решение. Нашёл в деле контактный телефон супруги Матросова. Цифры набрал, трубку подняли после третьего гудка.

– Здравствуйте, Альбина Петровна, – сказал он официальным, спокойным тоном. – Вас беспокоит следователь Чернов, я веду дело вашего мужа.

В трубке повисла тишина. Потом сухой, холодный голос ответил:

– Что вы хотите?

Чернов почувствовал в этом голосе сталь. Жена чиновника это не простая женщина. Она привыкла, что к ней обращаются с почтением, а не с вопросами от следователей. И, видимо, уже включила схему защиты.

– Я хотел бы к вам домой заехать на несколько минут, – продолжил он. – Вы сейчас дома?

– Дома. А зачем?

– По телефону не буду говорить, – вежливо, но твердо ответил Чернов. Через пару часов заеду и всё объясню. Это не займет много времени. Пожалуйста, убедительная просьба: никого не приглашать, никуда не уходить. До встречи.

Он положил трубку, не дожидаясь ее ответа. Быстро, пока решимость не угасла, Чернов открыл компьютер, вызвал шаблон документа – постановление о производстве обыска. Застучал по клавишам, вписывая фамилию, адрес, обоснование: «в целях обнаружения предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание в счет возмещения вреда, причиненного преступлением». Формулировка из отчета. Трашков будет доволен – ещё один обыск в статистику.

Он распечатал постановление, подписал, поставил печать. Потом надел пиджак, проверил бланки протоколов, ручку, фотоаппарат на телефоне. Вроде бы всё.

Солнце светило Чернову прямо в глаза, когда он вышел из подъезда следственного отдела. Он прищурился, прикрыл лицо ладонью и на мгновение замер, привыкая к свету после полумрака кабинета. Весеннее барнаульское небо было удивительно чистым – ни облачка, ни дымки, только высокая, бесконечная синева, какая бывает в мае, когда лето ещё не наступило, но было достаточно тепло.

Настроение, вопреки всему, немного улучшилось. Странное дело: душный кабинет, лампы дневного света, запах остывшего кофе и старых бумаг – всё это давило, высасывало силы. А тут – живительный ветер, тепло солнечных дней, шум машин и голоса прохожих. Чернов глубоко вздохнул, чувствуя, как легкие наполняются чистым, не затхлым воздухом. Он достал ключи, прошёл к своей машине – серебристому «RAV-4», который стоял на служебной парковке в тени старого тополя.

Чернов сел за руль, завёл двигатель – мотор заурчал ровно, надёжно. Он включил магнитолу погромче, почти на всю. Из динамиков рванула гитарная стена звука – снова «Kreator», тяжёлая, агрессивная музыка, под которую его мысли становились четкими, а нервы – стальными. Он выехал на дорогу, лавируя в потоке, и направился по хорошо знакомому маршруту.

Дом на улице А. Петрова возник перед ним минут через двадцать. Это был один из тех новых, элитных домов, что выросли в Барнауле за последние десять лет – девятиэтажка из светлого кирпича, с остекленными лоджиями, видеодомофоном и ухоженной придомовой территорией. Двор был асфальтирован, стояли аккуратные скамейки, качели для детей, клумбы с яркими цветами. У подъезда – шлагбаум, на парковке – дорогие иномарки. Всё говорило о деньгах, статусе, о том, что живут здесь люди, привыкшие к комфорту и безопасности.

Чернов припарковал свой «RAV-4» у обочины, между черным «Lexus» и серебристым «BMW». Его машина на их фоне выглядела скромно, почти бедно. Он вышел, поправил пиджак, проверил, на месте ли папка с бумагами. В душе было муторно, тягуче, как перед

неприятной, но неизбежной процедурой. Он знал: этот обыск – капля в море формальностей, бюрократический танец, где каждый делает вид, что занимается важным делом, а на самом деле все просто гонятся за цифрами в отчетах. Но от этого знания легче не становилось. В конце концов, в квартире – женщина, муж которой сейчас в изоляторе, и неизвестно, что их ждет завтра, через неделю, через год.

Он вошёл в подъезд. Здесь пахло новизной, бетоном и чуть-чуть дорогой парфюмерией – из чьей-то квартиры, видимо, тянуло цветочно-мускусным ароматом. Лифт поднял его на третий этаж. Коридор был светлым, с ковровой дорожкой на полу и зеркалами на стенах. Квартира Матросовых находилась прямо напротив лифта – тяжелая, дубовая дверь с золотистой фурнитурой.

Чернов позвонил. Внутри раздалась приятная, музыкальная трель, похожая на начало какой-то классической мелодии. И тишина. Он подождал несколько секунд, нажал снова. Никто не открывал. Он уже хотел нажать в третий раз, когда за дверью послышалось шарканье – мягкое, неспешное, словно человек в тапках не спеша шёл по паркету. Потом раздался тяжелый, глубокий вздох – почти стон. Потом щелчок замка, лязг цепочки, и дверь приоткрылась.

– Здравствуйте, – сказал Чернов, стараясь говорить спокойно и вежливо. – Следователь Чернов. Это я вам звонил.

Женщина стояла в дверях, придерживая рукой край халата. Ей было лет сорок, не больше. На ней был яркий, малиновый халат с длинным ворсом, похожий на те, что продают в дорогих магазинах постельного белья. Тёмные волосы, чуть взлохмаченные, будто она только что откинулась с подушки или провела по ним рукой. Лицо ее было покрыто толстым слоем косметики, которая в этот поздний час выглядела неуместно, почти театрально: подведённые глаза, тональный крем, яркая помада. Но за этой маской скрывались быстрые, испуганные глаза – глаза человека, который пытается контролировать ситуацию, но контроль ускользает.

Она мяла в руках угол полотенца, белого, махрового, словно надеялась, что ткань впитает в себя всю тревогу, всё напряжение, которое сейчас разлито в воздухе. Вся её поза – чуть согнутые плечи, выставленная вперед нога, словно она готова в любую секунду захлопнуть дверь, говорила о том, что она только что пила кофе или делала вид, что пьёт, и теперь застигнута врасплох.

– Проходите, – сказала она, и голос прозвучал вяло, безжизненно, как будто слова вытаскивали из неё клещами. – Вы надолго?

Чернов перешагнул порог. Он вошел в просторную прихожую и сразу ощутил запах спиртного. Не резкий, не пьяный, а какой-то приглушенный, будто кто-то выпил несколько часов назад и теперь запах выветрился, остался лишь легкий, сладковатый дух коньяка или дорогого виски. Он огляделся: кожаная обувница, зеркало в тяжелой раме, вешалка, на которой висело несколько мужских и женских курток. Пол – паркетная доска темного цвета. Обстановка в квартире явно говорила, что здесь живут люди обеспеченные. Не олигархи, но выше среднего, гораздо выше.

– Надеюсь, что быстро, – ответил он, проходя в зал.

Комната, куда он вошёл, была просторной, светлой, с высокими потолками. На полу ламинат под светлое дерево. На окнах тяжелые, изумрудные, с золотыми кистями шторы. Мебель – темная, массивная, явно из дорогих гарнитуров. На стене висел большой плазменный телевизор, который занимал почти половину стены. В углу стоял кожаный диван чёрного цвета, такой большой, что на нем могли уместиться пять человек. И повсюду – безделушки, статуэтки, фарфоровые кошки, рамки с фотографиями. Всё как у людей, которые хотят показать свой достаток, но не имеют вкуса, или имеют, но какой-то избыточный, перегруженный.

Из динамиков телевизора лилась музыка. Чернов прислушался: знакомый голос известного певца, тот самый шлягер, который гремел по всем радиостанциям: «что ж ты фраер сдал

назад». Чернов невольно усмехнулся. Какая ирония. Фраер. Сдал назад. В этой квартире, где муж-чиновник только что сдал назад всю свою жизнь, переехав человека на переходе.

– Что будет теперь с мужем? – спросила Матросова, и в её голосе прозвучала нервная, почти детская беспомощность.

Чернов обернулся к ней. Она стояла у входа в зал, все так же комкая полотенце. Глаза её бегали по комнате, не останавливаясь ни на чём.

– Завтра всё решится, – уклончиво ответил он. – Сейчас мне нужно провести обыск в вашей квартире.

Глаза Матросовой округлились. В них вспыхнуло сначала недоумение, потом обида, потом гнев. Она выпрямилась, насколько позволял халат, и голос ее зазвенел:

– Это с какой стати? Что вы собрались искать здесь? Я буду звонить адвокату!

– Пожалуйста, – ответил Чернов вежливо, без тени раздражения. – Это ваше право, Альбина Петровна. Можете звонить.

Она с вызовом посмотрела на него, потом достала из кармана халата телефон — дорогой, в золотистом чехле. Пальцы её дрожали, когда она набирала номер. Она ждала, прижав трубку к уху, и лицо её то бледнело, то розовело. Наконец, кто-то ответил.

– Игорь Анатольевич, – заговорила она быстро, нервно. – Тут следователь пришёл, говорит, обыск будет. Это законно? Он вообще имеет право? Что мне делать?

Она слушала ответ несколько секунд, потом кивнула, хотя адвокат не мог её видеть.

– Да, он здесь. Сейчас. – Она протянула телефон Чернову. – Возьмите.

Чернов взял трубку и сразу представился, четко, по-военному:

– Следователь Чернов.

В ответ раздался знакомый, спокойный, чуть с хрипотцой голос:

– Приветствую, Алексей Владимирович, опять нам повезло – поработаем вместе.

Чернов узнал этот голос. Игорь Редькин, адвокат, с которым он сталкивался уже не раз по различным делам. Человек опытный, но не агрессивный, умеющий договариваться, знающий, что в работе следователя тоже есть свои сложности. От этого стало легче. Всё-таки работать со знакомым адвокатом гораздо лучше – меньше гадостей можно от него ожидать, меньше подстав, больше профессионального взаимопонимания.

– Добрый вечер, Игорь Анатольевич, – ответил Чернов с облегчением. – Я тут обыск провожу, разумеется, формальный. Начальство требует. Ничего страшного для ваших клиентов нет.

– Хорошо, – в голосе адвоката послышалась лёгкая усмешка. – Я сейчас Альбине Петровне объясню и успокою её. А что завтра? У моего клиента срок заканчивается.

– Я договорился с конвоем, его завтра ко мне привезут, – ответил Чернов, прикрывая рот рукой, чтобы Матросова не слышала каждое слово. – Надо будет подойти часам к десяти, там на месте всё и обсудим.

– Намёк понял, – засмеялся адвокат. – Тогда до завтра. Пусть Альбина Петровна телефон возьмёт.

Чернов передал трубку Матросовой. Она прижала ее к уху, слушала, кивая головой. Лицо её постепенно разглаживалось, плечи опускались. Наконец, она сказала:

– Хорошо. Так и сделаю.

Она отключилась, положила телефон на стол и посмотрела на следователя без прежней враждебности, но с усталой покорностью.

– Можете проводить, – сказала она тихо.

Чернов дал ей в руки постановление о производстве обыска. Она быстро прочитала его, не вникая, только ища знакомые слова «законно», «в присутствии понятых» – потом кивнула и отложила в сторону.

– Вы что понятых будете приглашать?

– Можно без понятых. Применю фотофиксацию.

Следователь медленно прошёл по всем комнатам. Их было три – просторная гостиная, спальня с огромной кроватью и деревянным изголовьем, кабинет, где стоял компьютер, письменный стол, книжные шкафы. Везде чисто, но налёт запустения: на столе в кабинете – недопитая кружка с чаем, чайная ложка, пачка печенья. В спальне — смятая подушка, накинутое на спинку стула платье.

– Ищете что-то конкретное? – спросила Матросова. Голос её был неестественно бодрым, словно она играла роль радушной хозяйки, показывающей дом гостю.

– Искать ничего смысла нет, – ответил Чернов, останавливаясь у телевизора в зале. Он повернулся к ней, внимательно глядя в глаза. – Мне придётся изъять у вас один какой-нибудь ценный предмет.

Она удивленно подняла бровь.

– Например, этот телек, – продолжил Чернов, кивнув на огромную плазму, занимавшую половину стены. – Я впишу его в протокол обыска и тут же передам вам на ответственное хранение. А вы мне напишете расписку, что получили его обратно. Пусть суд потом решает его судьбу.

Матросова смотрела на него, пытаясь понять логику. В её глазах мелькнуло сомнение, потом понимание: формальность. Бумажная волокита. Никто не собирается забирать у неё телевизор. Это просто игра.

– А суд точно будет? – спросила она, и в её голосе прозвучала странная смесь надежды и страха.

Чернов покачал головой.

– Вы все эти вопросы решайте со своим адвокатом, – ответил он спокойно, но твердо. – Он вам всё сам пояснит. Я следователь и не даю юридических консультаций.

Он сел за журнальный столик, на котором лежал глянцевый журнал о дизайне интерьеров, и стал заполнять бланк протокола обыска. Писал аккуратно, разборчиво, внося каждую цифру, каждую букву. В комнате было тихо, только за окном изредка проезжали машины, да где-то вдалеке лаяла собака.

– Паспорт есть на него? – спросил Чернов. – Мне нужно номер записать.

Она кивнула и вышла из комнаты и вернулась через минуту с паспортом на телевизор, в котором были указаны серийный номер, модель, технические характеристики.

Он закончил писать и протянул протокол Матросовой.

– Ознакомьтесь и распишитесь, где галочки.

Она взяла листы, приблизила к глазам – видимо, зрение было не очень, но очки она не носила, и прочитала содержание. Чернов терпеливо ждал. Наконец, она кивнула, взяла ручку и расписалась в нужных местах. Подпись получилась мелкой, дрожащей, почти неразборчивой.

Чернов сделал несколько фотографий на свой телефон для фототаблицы. Телевизор крупным планом, общий план комнаты, протокол на столе. Потом сложил подписанные листы в папку и уже собрался уходить, как вдруг вспомнил: расписка. Он совсем забыл про расписку.

– Хорошо, что вспомнил, – пробормотал он, доставая из папки чистый лист бумаги и ручку. – Пишите расписку, текст я продиктую.

Матросова села за стол, оправила халат, поправила волосы – жест, показывающий, что она пытается взять себя в руки. Чернов продиктовал стандартный текст: «Я, Матросова Альбина Петровна, получила от следователя Чернова А.В. на ответственное хранение следующее имущество: телевизор марки...», и так далее. Она писала медленно, выводя каждую букву, как школьница, которая боится сделать ошибку. Потом поставила подпись и протянула лист и ручку Чернову.

Он взялся за ручку, но она неожиданно выскользнула из пальцев, упала на пол и, звякнув о ламинат, закатилась под чёрный кожаный диван.

– Чёрт, – выругался Чернов, наклоняясь.

Он опустился на колени, засунул руку под диван, нащупывая ручку. Пальцы коснулись сначала пыли – толстого, серого слоя, какого-то комка, потом металлического корпуса ручки. Он подтянул ее к себе и в этот момент заметил что-то ещё, блеснувшее в полумраке под мебелью.

Серёжка. Золотая, в форме круга, с прозрачным камнем нежно-зелёного цвета. Камень был чистым, светлым, играл в лучах солнца, которые проникали сквозь щель между штор. Серёжка лежала на пыльном ламинате, в полуметре от стены, будто закатилась туда давно и лежала, дожидаясь своего часа.

Чернов выпрямился, держа в одной руке ручку, а в другой серёжку. Он повертел её перед глазами. Работа хорошая, проба, наверное, высокая. Камень очень красивый, выглядит дорого. Он поднял глаза на Матросову.

– Чего она здесь валяется? – спросил он. Вопрос был риторическим, но он задал его, чтобы посмотреть на её реакцию.

Несколько секунд – тишина. Матросова сделала шаг вперед, и Чернов заметил, как дернулась её бровь – сначала левая, потом правая, нервный, произвольный тик. Она посмотрела на серёжку, потом на Чернова, потом снова на серёжку. Её лицо стало меняться на глазах. Сначала искреннее недоумение. Потом понимание. Потом – что-то, похожее на ужас. Настоящий, глубинный, животный ужас. Ее губы приоткрылись, веки дрогнули, щеки побледнели даже под слоем тонального крема.

Напряжение в квартире стало осязаемым. Оно зазвенело, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Чернов замер, не спуская с неё глаз. В голове уже заработал профессиональный механизм: «что-то не так. Она боится не факта находки, а чего-то другого. Чего?»

И вдруг Матросова улыбнулась. Широко, неестественно, театрально. Улыбка разлилась по её лицу, как трещина на стекле – сначала тонкая, потом расходящаяся во все стороны. Она засмеялась, коротко, нервно, и голос ее стал игривым, почти кокетливым.

– Ах, это! – воскликнула она с облегчением, с наигранной бодростью. – Моя. Моя серьга. Потеряла, наверное, когда убиралась. Вы знаете, эта проклятая пыль... Она везде, сколько ни убирайся...

– Ваша? – переспросил Чернов, глядя ей прямо в глаза. Он явно чувствовал, что она врёт. Ложь была написана на ее лице, в этих дергающихся бровях, в этом фальшивом смехе, в том, как она избегала его взгляда.

– Ну да, моя, – повторила она, уже менее уверенно.

Он поднёс серёжку ближе к свету, покрутил, осмотрел застежку. Целая. Камень на месте. Дорогая вещь, таких в магазинах не купишь за тысячу рублей. Он смотрел на нее и думал: «Интересно, где же вторая?»

– У вас есть пара? – спросил он тихо, почти ласково.

Матросова замерла. Улыбка сползла с её лица, как старая краска с фасада дома, оставляя голую, серую, неприкрытую тревогу. Она заморгала, часто-часто, словно в глаза попала соринка. Рот приоткрылся, но звука не последовало.

– Должна быть, – наконец промямлила она, и голос её стал тихим, невнятным, как у ребенка, который оправдывается перед строгим родителем. – Дома где-то. Я не помню.

– Найдите, пожалуйста, – спокойно попросил Чернов. Он не повышал голоса, не давил, но в его тоне было что-то, от чего Матросова вздрогнула.

– Но... – она посмотрела вокруг, растерянно, будто надеялась, что вторая серьга сама выпадет из воздуха, свалится с люстры, выкатится из-под ковра. – Я не уверена... может быть, она...

– Я подожду, несите, – сказал Чернов, положив найденную серёжку на стол перед собой.

Матросова вышла в спальню. Чернов услышал, как она открывает ящик комода – один, второй, третий. Шуршание, стук, тишина. Потом шаги в прихожую – щелкнула вешалка, зашуршала ткань, зазвякали металлические плечики. Она перетряхивала карманы курток и пальто. Потом снова шаги в спальню, потом в кабинет.

Чернов стоял у окна и смотрел во двор. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени. На детской площадке играли двое малышей, рядом стояла мать с коляской, разговаривала по телефону. На лавочке сидели старушки – три тени в платках, о чём-то судачили. Обычный двор, обычные люди. Интересно, кто из них, глядя сейчас на это окно, догадывается, что внутри разыгрывается маленькая трагикомедия?

Прошло несколько минут. Наконец, Матросова вернулась. Лицо её было бледным, под глазами залегли тени, которых не было полчаса назад. Губы сжались в тонкую нитку. Она вошла в зал и остановилась, не зная, куда деть руки.

– Не могу найти, – сказала она тихо, почти шёпотом.

– Давно? – спросил Чернов, не оборачиваясь.

– Что?

– Давно потеряли?

– Не помню, – ответила она, и в голосе её была обречённость.

Чернов вздохнул, подошёл к столу, взял серьгу. Он даже сам не понял, почему решил её не возвращать. Внутренний голос, тот самый профессиональный нюх, который не раз спасал его в сложных делах, подсказывал: здесь что-то нечисто. Эта женщина не просто потеряла серьгу. Она боится. И боится она не того, что следователь заподозрит ее в краже. Она боится чего-то другого.

– Серёжку я пока оставлю у себя, – сказал он ровным, бесстрастным голосом, который он использовал, когда сообщал людям неприятные новости. – Временное изъятие, до выяснения обстоятельств. Как только вы принесёте вторую и мы убедимся, что это действительно ваша собственность, то я её верну.

Матросова побледнела ещё сильнее. Она открыла рот, но сначала не смогла выдать ни звука.

– Но как же... – начала она, и голос её дрогнул, сломался, как тонкая ветка. – Это же моя вещь! Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Чернов поднял на неё глаза. Спокойные, внимательные, не мигающие.

– Вы утверждаете, что серёжка ваша, но не можете предъявить вторую, – объяснил он терпеливо, как учитель, который в десятый раз повторяет правило. – Более того, ваш муж находится под следствием, и у нас есть основания полагать, что это имущество добыто преступным путём. Поэтому я изымаю вещь до выяснения обстоятельств. Как только вы докажете право собственности, я верну.

– Как я докажу? – спросила она, и в голосе ее слышалась уже не надежда, а пустота.

– Принесёте вторую, – повторил Чернов, аккуратно кладя серёжку в конверт, который достал из папки. – Покажете. Если серьги окажутся парой, ваша проблема решена. Приходите в отдел, получаете своё украшение обратно. Всё просто.

Матросова смотрела на него, на конверт, на свои руки, которые дрожали. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Чернов видел, как она перебирает в голове варианты: позвонить адвокату, закричать, заплакать. Но ничего не выбрала. Просто стояла, вцепившись в край халата.

– Всё, – сказал Чернов, направляясь к выходу. – Обыск окончен. Благодарю за сотрудничество.

Он вышел в прихожую, Матросова шла за ним, как тень, не произнося ни слова. Он уже взялся за ручку двери, когда она вдруг сказала:

– До свидания.

Голос был пустым, механическим. Чернов кивнул, попрощался, открыл дверь и вышел на лестничную клетку. Дверь за ним захлопнулась, щёлкнул замок.

Альбина Петровна не двигалась с места несколько минут после того, как дверь закрылась. Она стояла в прихожей, глядя на темную деревянную дверь, и слышала, как удаляются шаги следователя. Потом она вздохнула, глубоко, судорожно, как человек, который только что избежал утопления, но всё ещё не уверен, что спасён.

Потом, словно что-то вспомнив, она бегом бросилась в спальню.

Там, на комод, стояла фотография в серебряной рамке. Снимок, сделанный на корпоративе в администрации: её муженек, Сергей Петрович Матросов, в дорогом костюме, с бокалом в руке, стоит в окружении коллег. Справа от него – молодая привлекательная особа лет тридцати. У нее длинные светлые волосы, точёные черты лица и завлекательная, чуть наглая улыбка. На ней строгое чёрное платье, на шее нитка жемчуга. А в ушах серьги. Золотые, в виде круга, с прозрачными камнями нежно-зеленого цвета.

Такие же. Точно такие же.

Матросова схватила рамку, поднесла к глазам. Пальцы её дрожали, дыхание перехватило. Она бросила рамку на кровать, сбегала за своим телефоном, вернулась, щёлкнула камерой, приблизила изображение на экране. Она увеличила картинку до предела, пока пиксели не распались на цветные квадраты, но серьги были видны четко — те самые, круглая форма, зеленые камни.

Сомнений не осталось.

Она опустила на край кровати, не чувствуя ног. Телефон выпал из рук, уткнулся в одеяло. Её взгляд был пустым, направленным внутрь себя, в ту бездну, которая только что разверзлась у неё под ногами.

– Какая тварь... – прошептала она. Губы её дрожали, на глазах выступили слезы – не от жалости к себе, а от ненависти, горячий, ослепительной, сжигающей. – Какая же тварь...

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Теперь она знала всё. Все эти поздние возвращения, эти командировки, эти срочные звонки. Серёжка не потерялась случайно. Она появилась здесь, в этой квартире, в их спальне, когда он приводил сюда эту... эту... Её не было две недели, она отдыхала на Мальдивах, а он тут дома развлекался со всякими .....

Матросова закрыла лицо руками и зарыдала – громко, взхлеб, как плачут только в полном одиночестве, когда никто не слышит. Слезы текли по щекам, размазывая косметику, падали на малиновый халат, на белую простыню. Она плакала от боли, от унижения, от предательства, которое оказалось страшнее всех судов и всех обысков.

А за окном медленно опускался барнаульский вечер. Солнце ушло за горизонт, оставив на небе багровые полосы. Двор погружался в сумерки, зажигались уличные фонари, и в окнах соседних домов один за другим загорался тёплый, жёлтый свет.

Но в квартире на третьем этаже было темно. И очень, очень холодно.

Глава 2

Утро в следственном отделе началось как обычно – с запаха дешёвого растворимого кофе, монотонного гула компьютеров и приглушенных разговоров в коридоре. Чернов сидел в своем кабинете, заваленном папками и бумагами, и сосредоточенно печатал на старом, но надёжном компьютере. Монитор освещал его лицо бледным ровным светом, пальцы бегали по клавиатуре с привычной быстротой человека, который за долгие годы научился не думать о буквах, а только о смысле.

За окном занимался серый, по-весеннему хмурый день. Небо над Барнаулом было затянуто плотными облаками, сквозь которые с трудом пробивалось молочное, размытое солнце. На подоконнике стояла кружка с остывшим чаем, которую Чернов заварил ещё в восемь утра,

а сейчас уже приближалось к десяти. Он машинально поднёс ее к губам, поморщился и поставил обратно.

Он печатал постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Слова складывались в казенные, бездушные фразы: «Матросов С.П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя транспортным средством, нарушил правила дорожного движения, совершил наезд на пешехода...». Чернов перечитал написанное и вздохнул. Сухие строки не передавали всей тяжести того, что случилось ранее. Девушка в реанимации. Чиновник, сломавший себе карьеру и жизнь за один день. Серьга, найденная под диваном, которая до сих пор лежала у него в кармане рубашки, в маленьком конверте. Он с утра хотел положить её в сейф, но закрутился и забыл.

Внезапно дверь с треском распахнулась, даже не скрипнув – Карнаухова всегда входила так, будто штурмовала крепость. Оксана Карнаухова, его коллега, следователь по особо важным делам, была женщиной лет тридцати пяти, энергичной, резкой в движениях и словах, с короткой стрижкой и вечно серьёзным лицом.

– У меня бумага кончилась, – заявила она с порога, даже не поздоровавшись. – Дай несколько листочков.

Чернов поднял глаза от монитора, поморщился. Карнаухова всегда брала его бумагу, его скрепки, его степлер. Возвращала редко. Он недовольно пробурчал, старательно изображая раздражение, хотя на самом деле отнесился к коллеге с уважением:

– На вас всех не напасёшься. Вон пачка лежит, возьми.

Он кивнул на стопку чистой бумаги, которая лежала на шкафу, придавленная тяжелым фолиантом Уголовно-процессуального кодекса. Карнаухова проворно сняла пачку, отломив половину, даже не спрашивая, и уже повернулась к выходу, когда Чернов вдруг вспомнил про серёжку.

– Ну-ка, подожди, – окликнул он.

Она остановилась, вскинув бровь. Чернов полез в карман рубашки, достал маленький бумажный конверт, развернул его и вытряхнул на ладонь серёжку. Золотой кружок с нежно-зеленым камнем блеснул и заиграл гранями, переливаясь холодным, изумрудным огнем.

– Как тебе такая вещь? – спросил он, протягивая серёжку.

Карнаухова подошла, взяла украшение двумя пальцами, как ювелир на экспертизе. Поднесла к глазам, повертела. Ее лицо, обычно суровое, расслабилось, в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение – уважение к качеству, к мастерству, к чистоте камня.

– Камень – чистый изумруд, – вынесла она вердикт через полминуты. – Ценная вещь. Стоит не меньше миллиона. Мне бы такие, – добавила она с мечтательным вздохом, который так не вязался с ее деловитой внешностью.

Чернов усмехнулся. Он знал, что позволить себе изумруды за миллион она, конечно, не могла.

– Тебе остаётся только богатого любовника найти.

– Откуда у тебя? — спросила она, возвращая серёжку.

– При обыске нашёл, – ответил Чернов, пряча украшение обратно в конверт. – У жены Матросова, того самого, замглавы города.

Карнаухова понимающе кивнула. Она уже слышала это дело – слухи по отделу разлетаются быстро.

– И что с ней? – спросила она. – С женщиной, которую сбили.

– В реанимации. Пока не приходила в себя.

– Работай, бездельник.

Карнаухова скривила ему рожицу и вышла, притворив дверь, но неплотно – та осталась чуть приоткрытой, и в щель проникал шум из коридора: шаги, голоса, стук дверных ручек.

Чернов не успел вернуться к компьютеру, как дверь снова распахнулась, на этот раз с гораздо большей силой. В кабинет ворвался адвокат Редькин – крупный мужчина лет пятидесяти, с пронзительными глазами и лицом, которое одновременно могло быть и хитрым, и добродушным.

– Привет, дружище! – заговорил он с порога, громогласно, с раскатистым «р», каким говорят люди, привыкшие быть в центре внимания.

Он прошёл к столу, положил на стул свой дорогой кожаный портфель, щёлкнул замками и с торжественным видом извлёк оттуда бутылку армянского коньяка. Тёмное стекло, золотая этикетка, сургучная печать – всё говорило о том, что напиток не из ближайшего супермаркета, а с хорошей выдержкой.

– Заметил, что ты приуныл, – сказал Редькин, ставя бутылку на стол. – Нужно поднимать боевой дух. Если предложишь кофе, то я сильно отказываться не буду.

Чернов усмехнулся. С этим адвокатом они работали не первый год, и между ними сложились странные, почти приятельские отношения. Редькин защищал тех, кого Чернов обвинял, но делал это без глупого упрямства, без попыток обмануть следствие, а по-деловому: искал компромиссы, смягчающие обстоятельства, договаривался о сделках. За это Чернов его ценил.

– Давай, – сказал следователь, вставая из кресла. – Я сам ещё с утра не пил. Пойду воды налью.

Он вышел в коридор, где стоял кулер, наполнил старую, закопченную турку водой, насыпал кофе – хорошего, молотого, который хранил для особых случаев. Редькин заслуживал хорошего кофе. Через пять минут турка закипела, коричневая пенка поднялась шапкой, и по кабинету разлился густой, терпкий аромат свежесваренного кофе.

Редькин не стал ждать, пока кофе остынет. Он плеснул в свою кружку щедрую порцию коньяка – половину чашки, не меньше и долил кофе. Резкий, сладковато-пряный запах коньяка смешался с кофейным, заполнив кабинет настолько плотно, что можно было резать ножом. Чернов последовал его примеру, но гораздо скромнее.

– Я готов работать, – сказал Редькин, сделав большой, почти хирургический глоток. Он даже не поморщился от крепости. – Когда его привезут?

– Уже везут, – ответил следователь, отодвигая клавиатуру и поворачиваясь к адвокату. – План действий такой.

Он говорил спокойно, деловито, как и подобает человеку, который уже всё продумал на три хода вперед. Редькин слушал внимательно, постукивая пальцем по кружке.

– Я предъявляю обвинение по части второй, – продолжил Чернов. – Он признаёт вину в полном объеме, в содеянном полностью раскаивается. От дачи показаний может отказаться – это его право, мне без разницы. Всё равно доказательств полно.

Он сделал паузу, хитро улыбнулся – той особенной улыбкой, которая означала, что сейчас он предложит что-то выгодное для обеих сторон.

– Тогда арестовывать его не буду, – закончил Чернов. – Везём его в суд и просим избрать меру пресечения в виде домашнего ареста. Такой вариант сторону защиты устраивает?

Редькин просиял. Его лицо, обычно хитровато-скептическое, расплылось в довольной улыбке.

– Не то слово! – воскликнул он. – Я с ним перед допросом побеседую, он всё подпишет. Дома сидеть гораздо лучше, чем в камере, – добавил он с таким видом, будто сам испытал оба варианта.

– Ну вот и чудненько, – сказал Чернов, довольный тем, что дело ложится в нужное русло, без лишних судебных баталий, без жалоб и скандалов. Он отпил из кружки добрый глоток. – Что-то я с коньячком поскромничал.

– Как скажете, господин следователь, – с издевательской торжественностью произнес Редькин, взял бутылку и щедро плеснул Чернову в кружку из бутылки. – Как говорится, когда пьёшь, нужно знать меру. Иначе рискуешь выпить меньше.

Запах коньяка стал ещё плотнее, даже в носу защипало. Чернов отставил кружку – он не собирался пьянеть до приезда подследственного, но сразу оценил жест. Редькин умел быть щедрым, когда это было нужно.

– Я пока сейчас звякну его жене, – сказал адвокат, доставая телефон. – Сообщу радостные новости. Надо же сообщить, что я договорился со следствием и его арестовывать не будут.

Чернов усмехнулся, откинувшись на спинку кресла. Кресло привычно скрипнуло.

– Можно будет премию попросить, – пошутил он. – За оказание качественных юридических услуг.

Редькин набрал номер и, дожидаясь ответа, бросил через плечо:

– Тут такая семейка, что снега у них зимой не выпросишь.

Чернов знал, о чём он говорит. Состоятельные клиенты всегда скупы на гонорары – они платят ровно столько, сколько должны по договору, ни копейкой больше. Но адвокаты не бедствуют и на этом. Редькин что-то тихо говорил в трубку, кивал, хмыкал, закончил коротким «до встречи» и убрал телефон.

– Успокоилась? – спросил Чернов.

– Относительно, – ответил адвокат. – Не хочет разговаривать, наверное, не в настроении.

В этот момент за дверью послышались шаги – тяжёлые, вперемежку со звяканьем металла. Конвой. Чернов поднялся, одёрнул пиджак. Редькин тоже встал, поправил галстук. Дверь открылась, и в кабинет вошли двое конвоиров в форме. Между ними – мужчина в наручниках. Тот самый Сергей Петрович Матросов, заместитель главы администрации Барнаула. Человек, которого ещё два дня назад встречали с почтением в коридорах власти, а сейчас – в мятой спортивной куртке, дешёвых трениках и сланцах на босу ногу. Лицо его было бледным, небритым, с синими кругами под глазами. Взгляд – потухший, пустой, устремленный в пол. Он похудел за эти дни, осунулся, будто из него выкачали все жизненные силы.

Чернов смотрел на него и чувствовал странную смесь жалости и презрения. Этот человек сидел в камере, спал на жесткой койке, пил из общей кружки. А сегодня отправится в свою элитную квартиру, под домашний арест, к жене, к телевизору, к тёплой постели. И будет гулять по своему району — в пределах, разрешенных браслетом. В то время как девушка в реанимации все ещё не пришла в сознание.

Но это была не его, Чернова, забота. Его забота это закон, бумаги, формальности. И сделка, на которую он пошел с Редькиным.

– Здравствуйте, господин Матросов, – сказал Чернов, отставляя кружку с коньячным кофе в сторону, подальше от глаз подследственного. – Очень приятно с вами познакомиться.

Матросов поднял глаза. В них мелькнул страх. Чернов жестом указал Матросову на стул напротив, а конвоирам на место у двери.

– Присаживайтесь, – сказал он. – Начнём нашу работу.

– Алексей Владимирович, – вмешался адвокат. – Мне сначала нужно побеседовать с моим клиентом.

– Конечно, можете выйти в коридор, там поговорите.

Редькин и Матросов вышли в коридор и недолго побеседовали. Затем они вернулись в кабинет и Матросов с довольной улыбкой кивнул головой:

– Я согласен.

– Ну и чудненько, не будем тогда отвлекаться.....

.....

Альбина лежала на кровати, уставившись в потолок. За окном уже начало темнеть и комнату наполнял только свет заходящего солнца, пробивавшегося сквозь неплотно задернутые шторы. В квартире было тихо, слышно было, как тикают часы на стене в гостиной, как где-то в трубах журчит вода, как собственное сердце бьётся молотками в висках, словно хочет выскочить наружу.

Она лежала на боку, подтянув колени к животу, как зародыш. Халат сбился, оголяя плечо, но ей было не до того. Телефон валялся на тумбочке, экран погас. Последний раз она смотрела на него час назад – никаких известий. Ни от адвоката, ни от следователя. Только короткая эсэмэска от подруги: «Как ты? Держись».

Держись. Легко сказать.

Перед глазами снова и снова вставала картина. Та фотография. Сергей стоит в кругу коллег, бокал в руке, дежурная улыбка. А рядом – она. Василиса. Молодая, красивая, с этими проклятыми серьгами в ушах. Такими же, как та, что выкатилась из-под дивана. Альбина слышала это имя много раз – Василиса. Работник бухгалтерии, «мой ценный сотрудник», как называл её Сергей. Альбина никогда не ревновала, считала себя выше этого. Она была женой чиновника, она знала, что вокруг мужа всегда будут молодые, красивые, наглые. Но она всегда верила, что он – нет, не такой. Он порядочный, он хороший семьянин.

Как же она ошибалась.

Эта серьга из-под дивана, как маленькое золотое доказательство всей её глупости. Она лежала там, в пыли, под мебелью, где они с Сергеем, бывало, любили друг друга. Или нет, где он любил другую. Приводил сюда, в их спальню, на их кровать, пока её не было дома. Боже, сколько раз это было? Когда? Зачем? Какая мразь!

Она закрыла глаза, но ресницы не удержали слёз. Тёплые, солёные капли потекли по щекам, скатились на подушку, оставляя мокрые пятна. Она не вытирала их. Пусть текут. Всё равно никто не видит.

Мысли кружились, как осенние листья в ветренном дворе. Что делать? Устроить скандал? Молчать, сделав вид, что ничего не знает? Уйти? Остаться? Она не знала. Ей было сорок два года. За спиной — двадцать лет брака, дочь, которая уже взрослая и живёт в Лондоне. Вся жизнь была вложена в него, в Сергея, в его карьеру. Она стояла за ним, как за каменной стеной. А стена оказалась картонной.

Она перевернулась на спину, уставилась в потолок. Белый, с лепниной по краям, которую она сама выбирала в дорогом салоне. Сколько сил, сколько денег ушло на этот ремонт. А теперь кажется, что всё это фальшивые декорации.

Мысль об этой проклятой серёжке была невыносима. Пока она отдыхала на Мальдивах этот урод развлекался с этой шалавой. Так нагло ей изменять. В своей квартире. Как теперь поступить? Она чувствовала себя прескверно. Сейчас он вернётся домой. Лучше бы сидел в тюрьме. Зря она адвоката нанимала.

Альбина протянула руку, взяла телефон. Экран ослепил яркостью, она прищурилась, подождала, пока глаза привыкнут. Набрала хорошо знакомый номер. Гудки. Один, второй, третий. Наконец – щелчок, и знакомый, с хрипотцой голос:

– Аллю.

– Валера, ты можешь говорить?

– Я дома, что вы хотели? – послышался приглушенный мужской голос, в котором слышалось удивление и лёгкая тревога.

Альбина поняла, что он не может говорить.

– Нам нужно завтра встретиться, – прошептала она. – Я тебе утром наберу.

– До свиданья.

Он отключился. Альбина убрала телефон, почувствовав странную смесь облегчения и горечи. Завтра обязательно нужно всё обговорить.

Она встала с кровати, подошла к зеркалу. Посмотрела на себя: опухшее лицо, красные глаза, размазанная косметика. Гнев кипел в ней как в адском котле. Она умылась холодной водой, привела глаза в порядок, накинула халат. Надо было ждать мужа.

И дверной замок щёлкнул именно в этот момент.

Альбина замерла. Сердце пропустило удар. Она услышала звук открывающейся входной двери, шаги в прихожей, тяжелый вздох. Матросов вернулся.

Она медленно вышла из спальни в коридор. Матросов стоял в прихожей, снимая мятую спортивную куртку. Он был бледен, небрит, под глазами залегли синие круги. От него пахло казённым мылом, железом и какой-то тоской. На щиколотке – электронный браслет. Приспособление для домашнего ареста.

Их глаза встретились.

– Здравствуй, дорогая моя, – сказал он, улыбаясь во весь рот. – Жрать хочу, как голодный волк. Тюремная баланда мне в рот не лезла.

Альбина не ответила. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него с ледяным спокойствием. Любви в этом взгляде не было. Была только ненависть – глубокая, выжженная, как земля после пожара.

– Как прошёл допрос? – спросила она сухо, не предлагая ему разуться или пройти.

Матросов вздохнул, стянул сланцы, прощёпал в носках в гостиную. Альбина двинулась за ним, как тень.

– Ничего страшного, – ответил он, опускаясь в кресло. Кресло скрипнуло под его весом. – Признал вину. Смысла тупить не было. Следовательно обещал не арестовывать и ограничиться домашним арестом. Адвокат хороший, договорился.

– Договорился? – переспросила Альбина с иронией. – О чём? О том, сколько заплатить, чтобы не сидеть?

Матросов поднял на неё глаза.

– Бабки есть. Сейчас какое-то время пройдёт, немного всё успокоится и надо будет с этой девкой договорится. Дадим ей денег, в суде примиримся.

– А что с работой? — спросила Альбина, садясь на диван напротив. Её голос был спокойным, даже ласковым, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. – Тебя же могут выгнать.

– Не выгонят. У меня же неосторожное преступление. Это же не коррупция, – захохотал он. – Там люди понимающие.

– Понимающие? – перебила Альбина. – Ты сбил человека на переходе, бухой. Какая работа? Тебя вышвырнут, как нашкодившего кота.

Матросов не ожидал такого натиска – она всегда была раньше покладистой, терпеливой, понимающей. Сегодня он увидел другую женщину.

– Альбина, давай не сейчас, – потребовал он. – Это не твоё дело, вообще. Я сам всё решу. Я так устал. В камере было жёстко.

– Не сейчас? – её голос стал громче. – А когда? Когда ты уже сядешь? Или когда мы всё потеряем?

– Хватит ныть, – потребовал он властным голосом. – Не до тебя сейчас.

Она замолчала, взяла себя в руки. Ей нужно было узнать главное.

– Расскажи, как было, – приказала она тоном, не терпящим возражений. – Всё. С самого начала.

Матросов провёл рукой по лицу, потёр щетину.

– День рождения был, – начал он медленно, будто вытаскивая из себя каждое слово. – Я на работе начал отмечать. Поехал уже домой, а она выскочила на переход. Я не успел затормозить. Всё.

Матросов молчал. Альбина смотрела на него и чувствовала, как ненависть разгорается в груди, как пламя. Но она не могла выложить всё сразу. Ей нужно было проверить главное.

– Не мог до вечера потерпеть, надо было успеть нажраться.

– Ладно, хватит тебе, – отмахнулся Матросов. – С работы тебе звонили?

– Многие, – ответила она, не глядя на мужа. – Начальник звонил, прокурор, другие. Говорили, что помогут, чем смогут. – Василиса твоя звонила, – ехидно сказала Альбина, и голос её стал сладким, приторным, как сироп.

Матросов вздрогнул. Едва заметно, но Альбина заметила. Её сердце кольнуло – в этот раз не болью, а злорадством.

– Василиса? – переспросил он, слишком быстро покрываясь холодным потом. – А что она спрашивала?

– Интересовалась как ты там, – улыбнулась Альбина. – Как мило. Переживает за тебя.

Матросов нахмурился, посмотрел на неё и вдруг понял. Понял с ужасающей ясностью, которая бывает только в самые страшные минуты жизни. Она знает. Она узнала.

Он вспомнил разговор с Василисой в последний день своей работы. Они сидели в его кабинете, пили кофе после всех поздравлений, и она спрашивала про потерянную серёжку.

– Серёжку потеряла, – расстраивалась она. — Одну. Твой подарок. У тебя дома она могла остаться?

– Я вроде нигде не видел. Ты когда уезжала не помнишь что ли была она или нет?

– Не помню, коньяка много выпила.

– Если у меня дома валяется, то жена спалить нас сможет, – недовольно сказал он. – А ты в другом месте могла потерять?

– Наверно могла.

– Будем надеяться, что найдётся, – успокоил он её тогда.

Матросов похолодел. Он понял, что значит этот ледяной взгляд жены, этот приторный голос, этот разговор про Василису. Она всё знает. Вопрос только — как долго и что собирается делать.

– Альбина, – начал он, и голос его дрогнул. – Что пожрать есть?

Альбина посмотрела на него с таким видом, будто он попросил у неё луну с неба.

– У меня голова болит, – ответила она ледяным тоном. – И вообще, я не твоя кухарка. Закажи доставку. Телефон вон, на тумбочке.

Матросов тяжело вздохнул, потянулся за телефоном.

– Деньги на карте есть? – спросил он.

– Должны быть, – ответила Альбина. – Если счета ещё не арестовали.

Он взял её телефон, начал листать приложения. Альбина стояла и смотрела на него. Ей хотелось подойти и ударить. Но она сдержалась. Не сейчас. Всему своё время.

– Я ложусь спать, – сказала она и направилась в спальню.

– Альбина, – окликнул он.

Она остановилась, не оборачиваясь.

– Прости меня, – сказал он тихо, почти неслышно.

Она не ответила. Зашла в спальню, закрыла за собой дверь, прислонилась к ней лбом. Слезы снова хлынули, но это были уже не слёзы обиды. Это были слёзы ярости.

Она села на кровать, обхватила колени руками, начала раскачиваться. В голове созрел план. Не мести – нет. Чего-то более хитрого, более подлого. Такого, чтобы он пожалел о том, что родился на свет.

Она выключила свет, легла на самый край кровати, отвернувшись к стене. В гостиной всё ещё горел свет – Матросов ждал доставку. Она слышала, как он ходит по комнате, как звонит кому-то по телефону, как говорит тихо, виновато. Но это её больше не касалось.

Сергей Петрович Матросов, заместитель главы администрации города, был жив. Но для неё он умер – в тот момент, когда серьга с изумрудом выкатилась из-под дивана.

Альбина закрыла глаза и начала мечтать о том дне, когда она сможет отомстить за измену. Это будет сладкая месть. Не быстрая, но от того ещё более сладкая.

Глава 3

Хмурое майское утро опустилось на город, словно тяжёлое мокрое одеяло. Небо затянули свинцовые тучи, из которых с монотонной обречённостью лил мелкий, но настойчивый дождь. Капли барабанили по асфальту, собираясь в лужи, которые зеркально отражали серую мглу и торопливые силуэты пешеходов. Люди, ссутулившись и пряча лица под капюшонами и зонтами, спешили по своим делам – кто-то на работу, кто-то домой, кто-то просто прочь от этой промозглой сырости, пробирающей до костей.

На небольшой парковке у продуктового магазина с вывеской «Мария Ра» стоял чёрный кроссовер «Хёндэ Санта Фе». Машина казалась чужеродным пятном в этом унылом пейзаже: её лакированные бока блестели под дождём, а мощные колёса уверенно попирали мокрый асфальт. Внутри, в кожаном водительском кресле, откинувшись на спинку, сидел мужчина. Ему было около тридцати пяти, и вся его внешность казалась нарочито небрежной, словно он хотел выделиться из толпы стандартных менеджеров средней руки. Длинные, чуть выющиеся волосы, собранные в низкий хвост, тронула первая седина, а короткую русую бороду обрамляли тонкие губы, сжатые в напряжённую линию. Но больше всего запоминались глаза – беспокойные, бегающие, словно он постоянно ожидал удара или искал пути к отступлению.

Он смотрел не на дорогу и не на магазинную витрину. Его взгляд был устремлён на лобовое стекло, по которому стекали прозрачные струйки дождя. Они извивались, сталкивались, разбегались – и в этом бесконечном движении было что-то гипнотическое, почти медитативное. Но мысли Валерия витали далеко не в спокойной дали.

Рядом с ним, на пассажирском сиденье, застыла Альбина, сжимая на коленях кожаную сумочку так сильно, что костяшки пальцев побелели. Она не смотрела на Валерия. Она смотрела в одну точку перед собой, туда же, куда и он, но видела не дождь. Она видела нечто другое, то, что жгло её изнутри.

– Я с ним больше жить не буду, – голос Альбины прозвучал резко, как удар хлыста. Он разорвал тишину салона, нарушаемую лишь размеренным шёпотом дождевых капель.

Валерий вздрогнул, но вида не подал. Он медленно повернул голову и посмотрел на неё, стараясь, чтобы его собственный голос звучал как можно более рассудительно и спокойно. Ему казалось, что он – тот самый голос разума, который сейчас жизненно необходим.

– Я считаю, что торопиться не надо, – ответил он, делая паузу между словами, словно взвешивая каждое.

В ответ Альбина всем телом сделала глубокий, судорожный вдох, будто пыталась заглотить воздух, которого ей катастрофически не хватало. Она выдохнула, и этот выдох получился дрожащим, почти стонущим. Её глаза наполнились слезами, но она с яростным усилием заставила себя не разрыдаться. Слезы душили, подступали к горлу комком, но Альбина привыкла контролировать себя. Она заговорила снова, и теперь каждое её слово было отточено, как лезвие.

– Я уже всё решила. Окончательно и бесповоротно. Изменить мне... таким наглым образом! – при этих словах её красивое лицо исказила такая гримаса ненависти, что Валерий невольно отпрянул. – С какой-то шалавой! Как такое вообще можно простить? Как можно смотреть на его лицо после этого?

Она не спрашивала – она утверждала. Пальцы её ещё сильнее впились в сумку.

Валерий сделал осторожную попытку возразить. Он знал, что ходит по тонкому льду, но чувствовал себя обязанным хотя бы попробовать.

– Возможно, ты ошибаешься? – сказал он, и его голос прозвучал неуверенно, даже жалко на фоне её кипящей ярости. – Может быть, никакой измены и не было? Совпадение? Дурацкое стечение обстоятельств?

Альбина резко повернула к нему голову. Её глаза, красные от невыплаканных слёз, метнули молнии.

– Я точно знаю, – сказала она, и голос её задрожал от сдерживаемых эмоций. – Не просто знаю, я чувствую это каждой клеткой. Никакой ошибки быть не может. Сердцем чувствую, Валера. Я всё это время, дура, не замечала, а теперь... теперь всё встало на свои места. Та серьга под диваном, его вечные отговорки, что он устал... Всё сходится.

Она замолчала, тяжело дыша, словно только что пробежала марафон.

Валерий понял, что спорить бесполезно, но попытался сменить тактику. Он перешёл на тон, не терпящий возражений – тон старшего брата или наставника, который видит ситуацию со стороны.

– Альбина, послушай меня внимательно, – сказал он, подавшись корпусом к ней поближе. – Ты сейчас на нервах. Это факт. И именно поэтому ты можешь наделать глупостей, о которых потом пожалеешь. Тебе нужно успокоиться. Взять себя в руки.

Это были самые неподходящие слова, которые он мог выбрать.

– Как я могу успокоиться?! – её голос сорвался на крик, истеричный, почти животный. Стекло автомобиля задрожало от звука. – Он приводил её в наш дом! В нашу спальню! На нашу кровать! Ты понимаешь это, Валера? На нашу кровать, где я с ним сплю, где мы... – её голос пресёкся, и она сглотнула комок. – Он изменял мне с ней, а я, дура, ничего не замечала! Готовила ему ужины, стирала его рубашки, ждала из командировок!

Валерий, чувствуя, что почва уходит из-под ног, попытался вставить последнее, самое слабое возражение.

– Ты не знаешь наверняка, – повторил он, словно это могло её остановить. – Может быть, серьга просто...

– Просто что? – перебила она его на полуслове, и в этом «просто» было столько ядовитого сарказма, что Валерий сжался. – Просто потерялась сама собой? Закатилась под диван, где она никогда, слышишь, никогда не была? Я была в отъезде две недели! Две недели, Валера! Вот тогда он и привёл эту... эту...

Она не договорила. Не смогла подобрать ругательства, которое было бы достаточно грязным, чтобы выразить её презрение. Она лишь задохнулась от злости и обиды, и слёзы, которые она так долго сдерживала, наконец хлынули из её глаз. Они текли по щекам, не разбирая дороги, смешиваясь с тушью и превращая её прекрасное лицо в жалкую, но всё ещё опасную маску горя. Она не вытирала их. Ей было всё равно.

Наступила долгая, тяжёлая пауза. В салоне стало тихо, только дождь продолжал свою бесконечную песню. Валерий смотрел на неё, на эту женщину, которую, казалось, знал, и не узнавал. Потом он вздохнул и заговорил тихо, очень мягко, почти ласково, как говорят с больным ребёнком или с раненым зверем.

– Хорошо. Хорошо, – произнёс он, делая успокаивающий жест рукой. – Допустим, ты права. Допустим, так оно и есть. Но что ты собираешься делать? Устроить скандал с битьём посуды? Выгнать его на улицу? Прямо сейчас? Когда он под следствием, когда у него могут быть огромные проблемы? – Валерий сделал многозначительную паузу, давая её словам осесть. – Ты подумала, что будет, если ты заявишь о разводе сейчас? Все узнают. Адвокаты, следователи, может быть, даже журналисты. Все узнают, что он изменял. Дело может осложниться, и ему это только поможет. А тебе – нет.

Альбина молчала. Она смотрела на свои руки, которые наконец разжали хватку и бесильно лежали на коленях. Она не думала об этом. Вообще не думала. Она думала только о

боли, которая жгла её изнутри, о предательстве, которое отравляло каждый вздох, о том, как она ненавидит сейчас своего мужа – этой чистой, светлой, всепоглощающей ненавистью.

– А что ты предлагаешь? – спросила она наконец. Голос её стал холодным, почти ледяным. В нём не осталось ни капли той истерической страсти, что была минуту назад. Это был голос человека, который принял решение, но пока не произнёс его вслух. – Молчать и делать вид, что ничего не случилось? Ходить с улыбкой, варить ему борщи и стелить постель?

– Я предлагаю тебе успокоиться, – терпеливо повторил Валерий, чувствуя, что ледокол сдвинулся с мёртвой точки. – Сейчас не время для эмоций. Сейчас время для холодной головы. Сначала дай разобраться с делом. Пусть твой Матросов выкручивается как хочет. Пусть решат вопрос с потерпевшей, пусть суд назначит то, что назначит. А потом... потом ты сможешь принять решение. Спокойное, взвешенное, обдуманное. С выгодой для себя. С максимальной выгодой.

– С выгодой? – Альбина усмехнулась. Это был не смех, это был скрежет ржавого металла. На её лице не было и тени улыбки, только горькая, жёсткая складка у губ. – Ты думаешь, я об этом не думала? Думала, Валера. У меня было время. И я всё решила. Окончательно.

Валерий насторожился. Что-то в её голосе изменилось. Исчезла истеричность. Появилась ледяная, пугающая решимость.

– Что ты решила? – спросил он, сам не зная, хочет ли услышать ответ.

Альбина выпрямилась на сиденье. Её лицо стало каменным, ни единой эмоции, ни намёка на ту женщину, которая только что рыдала. Она заговорила чётким, отрывистым голосом, как командир перед строем новобранцев. В нём не было сомнений.

– Нужно от него срочно избавляться, – произнесла она. – Сейчас самое подходящее время. Он теперь постоянно будет находиться дома, из квартиры – ни ногой. Это упрощает задачу. Эту тварь надо будет замочить. Он должен понести справедливое наказание.

Валерий смотрел на неё во все глаза. Он видел перед собой не свою любовницу, не женщину, с которой делил постель последние три года. Он видел сумасшедшую. В прямом смысле.

– И как ты собралась его замочить? – спросил он медленно, стараясь говорить нейтрально. – Тебя же саму сразу закроют. Первая подозреваемая для ментов это всегда жена.

– Я всё продумала, – ответила Альбина спокойно, даже буднично. Она говорила о плане убийства так, будто обсуждала список покупок в супермаркете. – Разумеется, я сама должна быть вне подозрений. Самый простой и очевидный вариант – отравить его. Но этот вариант и самый неудобный. Я, действительно, сразу стану первым подозреваемым. Отравление – это чисто женский способ убийства, это знают все менты и следователи. Нет, этот вариант отпадает. Надо сделать так, чтобы я была вне каких-либо подозрений. Я не хочу сидеть в тюрьме. Мне нужна инсценировка. Надо, чтобы в дом проник убийца с целью ограбления. Хозяин оказывает ему сопротивление, и грабитель его убивает. Всё просто и логично.

Валерий не мог поверить своим ушам. Он даже нервно рассмеялся.

– Но как этот... киллер сможет к вам залезть в квартиру? Ты в своём уме? У вас камеры в подъезде, входная металлическая дверь, сигнализация? Это какая-то глупость, Альбина. Детский сад.

– Не перебивай меня, – оборвала его она, и в её голосе прозвучала сталь. – Дослушай до конца, а потом критикуй.

Валерий замолчал, чувствуя себя школьником перед строгой учительницей.

– Значит, так, – продолжила Альбина, и её глаза заблестели лихорадочным блеском. – Когда Матросов будет обедать, я подсыплю ему снотворное. Он и так после обеда любит вздремнуть, это обычное дело. В это время в дверь звонит грабитель – в медицинской маске, парике, тёмных очках. Я ему открываю. Он заходит, связывает меня, для убедительности ударяет по голове – не сильно, но так, чтобы синяк остался, затем меня запирает в ванной комнате. Потом он собирает всё ценное имущество, открывает сейф. Во время этого всего Матросов

просыпается от шума и выходит из спальни. Он оказывает сопротивление грабителю, и тот его убивает ножом. Грабитель скрывается. Мне удаётся освободиться от оков, я покажу, как сама развяжусь и вызываю полицию. Матросов остаётся жертвой несчастного случая, жертвой разбойного нападения. Как тебе такой план? А?

Она выжидающе смотрела на Валерия, на её губах заиграла торжествующая, почти безумная улыбка. Она была горда собой. Она придумала это, выстрадала, и теперь предлагала ему как величайшую драгоценность.

Валерий помолчал несколько секунд, потом фыркнул и откинулся на спинку сиденья.

– Ничего более глупого я в своей жизни не слышал, – сказал он, и в его голосе не было даже попытки скрыть насмешку. – Никакой дурак не согласится в этом участвовать. Ты что, не понимаешь? Все приметы грабителя будут на камерах. Его могут увидеть соседи, рассмотреть более подробно. Даже под маской можно увидеть черты лица, очки не спасут. Это не кино, Альбина.

– Ничего подобного, – возразила она с тем же спокойствием. – Я всё предусмотрела. Грабитель будет в парике, перед этим загримируется, наклеит усы, оденет тёмные очки. Никто его не опознает — ни камеры, ни соседи. А я буду называть следователю заведомо ложные приметы, ссылаться на испуг, на плохую память, на то, что была в стрессе. У меня это получится.

– И где ты, интересно, найдёшь такого гениального грабителя-актёра? – спросил Валерий, закатывая глаза.

Альбина медленно повернула голову и посмотрела на него немигающим, тяжёлым взглядом. В этом взгляде не было и намёка на шутку.

– Я его уже нашла, – тихо сказала она. – Это будешь ты.

Валерий замер. Он подумал, что ослышался. Или что у него начались слуховые галлюцинации.

– Что? – переспросил он осипшим голосом. – Что?

– Это будешь ты, Валера. Ты сыграешь роль грабителя.

Наступила мёртвая тишина, нарушаемая лишь монотонным стуком дождя по крыше автомобиля. Валерий смотрел на неё, она на него. Внутри у него всё похолодело.

– Ты серьёзно думаешь, что я соглашусь на убийство? – спросил он, и его голос прозвучал хрипло, чужим звуком.

– Тебе не надо быть убийцей, – спокойно, мягко, почти ласково сказала Альбина. – Это я сделаю сама. У меня руки чешутся на этого гада. Я хочу сама. Понимаешь? Сама. Мне нужно это ощущение. Я должна почувствовать, как из него выходит жизнь. Это будет моё торжество.

Валерий смотрел на неё с ужасом и неверием.

– И ты сможешь это сделать? – прошептал он. – Убить человека? Своего мужа?

Альбина улыбнулась. Это была змеиная улыбка – медленная, холодная, безжалостная. Она тихо, почти с удовольствием произнесла:

– Я мечтаю об этом, Валера. Моя рука не дрогнет, уверяю тебя. Даже не сомневайся. Твоя роль – только поучаствовать в этой маленькой инсценировке. Вынесешь из квартиры деньги и драгоценности, спрячешь их в надёжном месте. Тебе бояться абсолютно нечего. Ты будешь просто статистом.

– Нет, – сказал Валерий, качая головой. – Нет, я не хочу в этом участвовать. Мне это зачем? Зачем мне рисковать своей свободой, своей жизнью ради твоей мести? Ты подумала?

Альбина вздохнула, как вздыхает учительница, когда ученик не понимает очевидных вещей.

– Я же тебе говорю: никакого риска нет. Совсем. Я всё подготовила. Послушай меня внимательно, Валера. У нас дома в сейфе лежит пятьдесят тысяч долларов и двадцать миллионов рублей. Плюс в банковской ячейке ещё пятьсот двадцать тысяч евро. Это только то, что я знаю точно. Всё это я заберу после его смерти. Кроме этой квартиры и машины, у нас есть коттедж в

Сочи. И это не всё. На подставных людей оформлены ещё три квартиры и одиннадцать земельных участков. Есть счета в криптовалюте, есть акции. Понимаешь? – она сделала паузу, давая цифрам осесть. – Это ещё не менее пяти миллионов баксов. Всё это будет моим. Полностью. Дочь у нас живёт отдельно, она полностью под моим контролем, на наследство претендовать не будет, я оформлю всё на себя. Пройдёт полгода, я вступлю в наследство, ты разводишься со своей кукушкой – с этой твоей вечно ноющей женой и мы можем пожениться. Потом всю жизнь можно не работать. Ни дня. Переедем на Чёрное море, будем путешествовать, наслаждаться жизнью, делать что захотим. Как тебе такая перспектива?

Она смотрела на него, и в её глазах горел огонь фанатика.

Валерий молчал. Он был ошеломлён. Не столько планом, сколько масштабом богатства, которое она так буднично перечислила. Он знал, что Матросов не беден, но чтобы настолько... Он почувствовал, как в груди зашевелился холодный, расчётливый интерес.

– А почему ты не можешь найти какого-нибудь левого человека? – спросил он, прищурившись. – Нанять кого-то со стороны?

– Потому что я не хочу привлекать лишних людей, – ответила Альбина рассудительно, как профессор на лекции. – Каждый лишний человек – это риск. Он может тебя выдать, поговориться случайно под пьяную руку, попасть в полицию по другой статье и сдать всех за сделку. Чем меньше круг лиц, тем лучше. И потом, – она посмотрела на него с непривычной мягкостью. – Ты всю жизнь будешь опасаться этого человека. Будешь оглядываться. Будешь в его руках. А так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.